

ЫМ ЗАЛАМ

Делакруа: работы позднего периода

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Эжена Делакруа (1798-1863), и во Франции эта годовщина отмечается различными выставками и мероприятиями.

Делакруа для французов фигура значимая, уважаемая, почтенная. Мы донашиваем в своих карманах и портмоне стофранковые банкноты со срисованной (почти монохромно) его "Свободой на баррикадах". Теперь она заменяется (в преддверии появления евро) другой банкнотой, с портретом Сезанна и натюрмортом, раскрашенным ближе к оригиналу, повеселее.

Большие картины Делакруа есть в Лувре, музее Орсе, в провинциальных французских музеях. Значительная же часть картин, форматом поменьше, рассеялась, к счастью, по белу свету, и каждый из десятков музеев, где есть по одной-двум-трем картинам Делакруа, радуется, доволен этим фактом. Вот, например, "Охота на львов" в Эрмитаже, "Ладья Данте" в московском ГМИИ им. Пушкина: всякий ценитель в советские годы подходил и внимательно изучал манеру художника по оригиналу. Собранные, однако, вместе, картины позднего периода поражают своей монотонностью — и не столько даже сюжетов, сколько монотонностью своего настроения, всегда одного и того же.

На выставке в Гран-Пале представлено 88 картин и 33 рисунка, в двух больших залах, но после осмотра кажется, что ты прошел мимо 880 картин: сгруппированные по сюжетам, они остаются в памяти каким-то безликим множеством: львы, лошади, фигурки у моря, евангельские сцены, причем фактически одна и та же композиция повторяется иной раз в трех-четыре-пяти рядом повешенных картинах (как, например, в случае со "Христом на Генисаретском озере"). Подобное впечатление всепроникающей множественности усиливается и дурным освещением картин (вдетые в потолок лампочки направленного света в большинстве случаев едва освещают картинки). Публика в изобилии ходит и, по-моему, не понимает грустности ситуации.

Для экспозиции привезены со всего мира произведения 1850-1863 гг., то есть того периода, когда Делакруа был уже признан и обществом, и государством. В эти годы Делакруа писал, в общем, на темы, найденные уже в молодости, кроме евангельских сюжетов. С приближением старости художник ощутил какое-то метафизическое беспокойство, поскольку его, поклонника французских энциклопедистов, перестал устраивать атеизм Дидро, антицерковность Вольтера и пантеизм Руссо. Незадолго до смерти он писал: "Бог — в нас: это Его внутреннее присутствие позволяет нам восторгаться прекрасным, ободряет нас, когда мы сделали доброе дело".

Среди этих довольно однообразных по настрою картин выделяется, правда, один пейзаж, который написан близко к манере, скажем, Эдуарда Мане — морской видик с лодками и расходящимися облаками. Остальное же — серьезно, возвышенно, никогда не свежо, но — привычно, слишком привычно, и по выходе не перестаешь задаваться вопросом: что же подвигло устроителей выбрать именно последнее десятилетие творческой жизни Делакруа, зачем надо было так невыгодно представлять этого действительно замечательного художника.

АНАТОЛИЙ КОПЕЙКИН

Париж